

Нам СОВБЕСЕДНИК!

Лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады Геннадий Викторович ХАЗАНОВ

— Геннадий Хазанов? Ну, да! Ну комик! Животы надорвешь!

— Хазанов? Серьезный, тонкий актер. Меткий! Богом данный талант.

Два различных зрителя сказали по-разному об одном и том же.

Между прочим, актера, который «ну, дает», я «добывал» более полугода. Бесконечные репетиции, выступления, гастроли. Он вернулся в Москву лишь на три дня — и снова в путь. По городам и весям. Где только не приходится выступать актеру. И повсюду его ждут, ждут его неутомимое и жизнерадостное искусство. И если иногда на его выступлении станет человеку немного грустно, то эта грусть перемешана с какой-то тихой и доброй улыбкой.

Его знают, его любят, его всегда и везде встречают с нетерпением.

ИТАК, ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ

— Знаком ли вам такой адрес: улица Первомайская, 109/2?

— Н-нет, не припомню что-то... А чей это адрес?

— Московского кулинарного училища, в котором, возможно, учился ваш герой.

— Очень может быть. Только мой герой учился в техникуме, а не в училище. Впрочем, люди, как правило, не помнят точный адрес учебного заведения, в котором им довелось учиться. Проверьте как-нибудь на досуге.

(Позже я звонил нескольким своим друзьям, утверждение актера абсолютно соответствовало истине).

— Пожалуйста, немного о себе.

— Лет пять мне было, когда однажды к нам пришли гости. Взрослые отдыхали, и на меня никто не обращал внимания. Чтобы исправить «несправедливость», я решил что-нибудь исполнить. Мне тогда показалось, что... Но это только мне показалось. А чтобы в это же поверили другие, потребовалось 18 лет. Окончил школу и ни о чем другом не думал, считал, что мне надо идти на сцену. Со мной никто не соглашался, в том числе ни один педагог ни одного из театральных училищ Москвы. В Государственном училище циркового и эстрадного искусства, которое я впоследствии окончил, со мной поначалу тоже не согласились. Поступил в ГУЦЭИ лишь на следующий год, перейдя к этому времени на второй курс строительного института.

— Вы представляли себя строителем?

— Я учился на механическом факультете. Механика строительных машин. Абсолютно не представлял себя среди машин. Как не представляю себя за рулем собственной машины.

— То есть?

— Ее водит жена. А я всегда пассажир.

— Вы помните свои первые профессиональные выступления?

— Да, я начинал как концертмейстер в оркестре Леонида Осиповича Утесова.

— И как? Первый блин комом?

— Столько потом было этих самых блинов, которые «комом», что первый сейчас кажется легко разжеванной и сразу проглоченной лепешкой.

— Чем привлек вас эстрадный жанр? Ведь вы могли бы стать интересным характерным театральным актером.

— Возможности эстрадного актера много шире, чем у актера театра. Работа в театре при всех плюсах имеет немалый минус: в театре не всегда играешь то, что хочешь, ибо актера назначают на роль. А уж то, о чем мечтаешь, и вовсе можешь никогда не сыграть.

В театре, мне кажется, работать спокойней. Эстрада интересна своей похожестью более на дремучий лес, чем на ботанический сад.

— Как возник ваш ставший таким популярным учащийся кулинарного техникума?

— Возник он в эстрадной студии МГУ, где я пребывал, уча в строительном институте. Но поначалу это был приемный ребенок. Родным он мне станет много позже. До меня были попытки создать аналогичный персонаж, но мои предшественники больше играли характерность, близкую... идиотизму. Они стремились к большей аффектации, что вообще свойственно любителям. То, что на профессиональном языке называется наигрышем. Было это и у меня в ту пору. Но потом я пришел к мысли, что этот персонаж должен быть меньше всего идиотом. Он скорее застенчивый, робкий, беззащитный. Так окончательно утвердился характер

учащегося кулинарного техникума. Изменился герой, изменилась и драматургия.

— В жизни вы встречали человека, похожего на вашего кулинара?

— Нет. Он ведь — средоточие черт характера различных людей. Поэтому он для меня и очень близкий, и очень далекий человек. Но знаком мне хорошо. Главное, чтобы он был живым. Будет живым, будет и понимаемым зрителями.

— Сегодня вы практически ушли от однажды придуманной маски. Почему?

— Я хочу жить и не хочу, чтобы маска меня задушила.

— И все-таки иногда вы возвращаетесь в «лоно кулинарии». Вечная любовь родителя к своему первенцу?

— Нет, возвращаюсь больше по требованию средств массовой информации — радио, телевидение.

— Вы выступаете в моноспектакле. Это что, стремление создать свой театр?

— Просто тесно, неинтересно и бесперспективно выступать в концерте.

— Вторая часть вашего спектакля полностью посвящена пародии, с которой вы раньше выступали номером. То есть пародия остается вашим излюбленным жанром?

— Да, я люблю пародию, очень симпатизирую этому жанру.

— А вам не кажется, что пародистов на эстраде стало больше, чем их жертв?

— Кажется. Я сам, к слову сказать, и пародист, и жертва.

— А как вы думаете, чем может закончиться этот «переворот»?

— Тем, что некого будет пародировать. Или же начнут пародировать... пародистов. Мы уже сейчас близки к этому.

— И тем не менее, кого из «великих» вы собираетесь пародировать в ближайшем будущем?

— Представьте, никого. Хватит обижать людей.

— Итак, вы выбрали сатиру. Значит, что-то в людях вам не нравится. Какие человеческие пороки подвергнутся вашей «сатирической бомбардировке»?

— В человеке так много всего намешано... Как ни парадоксально, хочу заниматься показом тех людей, которые мне нравятся. Поэтому я не стал бы придергиваться одной линии — клеймить человека. Мне человек прежде всего интересен в различных обстоятельствах. И вот вам пример. Как и всем, мне часто приходится общаться с работниками сферы обслуживания. Однажды говорю с таким работником, а он отвечает, не поднимая головы. Совершенно, подумал, человек потерял облик, даже в глаза не смотрит. Отвечает невнятно, бормочет что-то и ему нет никакого дела до того, понятен ли мне его ответ, удовлетворен ли я им. Неожиданно поднимает этот работник голову, смотрит на посетителя и узнает в нем артиста, которого вчера видел на экране телевизора. И все. Совершенно нормальный передо мной человек. И куда подевались его отчужденность, безразличие. Значит, не бывает людей, одинаковых во всех обстоятельствах. Значит, бывают обстоятельства, в которых человек — или человек, или не человек. Это-то мне и интересно. Интересен процесс анализа.

— Актеру такого жанра, как ваш, всегда любопытно узнать и увидеть результаты своих усилий.

— По следам моих выступлений никаких мер, кажется, не было принято: ведь каждый думает, что это не про него.

— У эстрадных актеров разговорного жанра всегда остро стоит вопрос о репертуаре. По

какому признаку вы узнаете своего автора?

— Если при чтении текста мне не смешно, автор не мой. А так как я почти никогда не смеюсь, то поэтому сотрудничаю практически только с Аркадием Хайтом.

— У меня сложилось впечатление, что вы соавторствуете. Более того, я сильно подозреваю, что порой вы сами для себя пишете тексты.

— Сам текстов не пишу никогда. Просто в процессе репетиций вношу кое-какие незначительные дополнения, отдельные фразы, слова.

— Кто был вашим учителем, чье влияние на себя вы испытали?

— Испытал и продолжаю испытывать сильное влияние Аркадия Исааковича Райкина, Аркадия Хайта и Надежды Ивановны Слоновой, моего педагога в училище, в прошлом совершенно блистательной актрисы Театра сатиры.

— Гастролировали ли вы за рубежом?

— Был в Болгарии, Канаде, на Кубе, в Эквадоре, Перу, Коста-Рике.

— И на каком же языке вы выступали в странах Латинской Америки?

— На испанском... как мне казалось.

— Почему не снимаетесь в кино?

— Не чувствую себя вправе пробоваться в профессии, о которой не имею никакого представления. Пусть так и остается. Буду тешить себя мыслью, что во мне погиб великий киноактер.

— Я вообще заметил, что кинематографисты скептически относятся к актерам эстрады, почти не приглашают их сниматься. Чем вы это объясняете?

— Профессия эстрадного актера полярна профессии актера кино. Могу засвидетельствовать, что, выступая на эстраде, киноактеры часто так же беспомощны, как и эстрадники на съемочной площадке.

— Вам не приходилось выступать в Подмоскovie? И где?

— Легче сказать, где я не выступал в нашей области.

— Так что можно считать, что с подмосковным краем вы основательно породнились?

— Достаточно основательно: моя жена из Домодедова. Вообще, должен сказать, что всегда испытываю к Подмоскovie какую-то особую тягу. Приезжаю на концерты к нашим землякам с большой радостью. И всегда чувствую к себе хорошее, доброе отношение руководителей областных партийных, советских и профсоюзных организаций. Они всегда в числе моих зрителей...

В этот момент в комнате появляется дочь актера. Улыбаясь, она спокойно поздоровалась с гостем и устроилась у отца на коленях. Тут же про артиста Хазанова было забыто. Поначалу я не стал уходить от банальной схемы, по которой взрослые обычно знакомятся с детьми.

— Как тебя зовут?

— Алиса.

— А сколько тебе лет?

— Пять.

— Кем ты собираешься стать, когда вырастешь?

— Балериной.

— Тебе нравится, когда выступает папа?

— Очень!

— А какую бы другую профессию ты для него выбрала?

— Фигурист.

— А если бы он действительно закончил кулинарный техникум и варил тебе вкуснейшие борщи?

— Но ведь он же не женщи-

на! Комментарию, как говорится, были излишни.

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.